

О ФОРМАХ МАНИФЕСТАЦИИ МАГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА

С. Г. Проскурин^{1, 2}, А. В. Проскурина²

¹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, 1

² Новосибирский государственный технический университет
630073, Россия, Новосибирск, просп. К. Маркса, 20

Поступила в редакцию 17.12.2021 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-4

Представление языковых явлений как манифестации магической функции языка стало предметом настоящей статьи. В системных классификациях, таксономиях и линейных явлениях, таких как эвфемизация и перформативность, отражаются верования и социально-духовные функции человеческих обществ. Набор лингвистических форм и средств напрямую определяется существовавшими религиозными воззрениями. В статье речь идет о некотором фундаменте верований в виде элементарных «первичных перформативов», которые нельзя отрицать с позиции логики, а можно представить как успешные и неуспешные. Иными словами, вся совокупность культурных представлений зиждется на элементарных перформативах. Другим примером преемственности лингвистических форм религиозных верований выступает эвфемизация. Системные классификации в языках австралийских аборигенов и одушевленный / неодушевленный род в индоевропейских языках предстают зависимыми от религиозного выбора сущностями в виде предпочтений, возникающих в тотемных представлениях народов. В результате анализа нами реконструируются области пересечения верований и лингвистических форм. Языковая форма находится в некоторой гармонии с определенными стадиями развития общества, а также его социальной организацией. Так, нами определяется изоморфизм лингвистических и социальных структур австралийских аборигенов. В индоевропейских языках таксономии родов восходят к первичным делениям на основы, определяемые как активные / одушевленные и инактивные / неодушевленные. В статье показано, что на одушевленность / неодушевленность влияет этап анимизма.

Ключевые слова: язык, культура, перформативность, основа, одушевленный, неодушевленный

1. Введение

Язык — это сложный идеальный организм, который по-своему отражает экстралингвистические представления носителей языка. В нашем исследовании речь пойдет о влиянии религиозных представлений на ткань языка, а также на системные классификации и таксономии, определяющие языковые формы. Пересечение верований и их репрезентаций в языках как некоторой совокупности еще не были предметом лингвистического и философского анализа. В настоящей статье авторы стремятся восполнить отмеченный пробел в виде экскурса в элементарные формы религиозной жизни и представить лингвистические явле-

ния как их продолжения. Цель исследования — системная классификация явлений, которая отвечает за репрезентацию таксономий окружающего мира в ткани языка. Методология исследования обращена к филологическому анализу текстов и лексиконов с опорой на системные представления о языке. Различные народы классифицируют реалии в виде оригинальных таксономий окружающего мира. Классификации встроены в язык и определяют его самобытность. Извлекаемые из классификаций категории представляют собой наглядное продолжение архаических форм сознания и элементарных форм религиозной жизни.

2. Элементарные формы религиозной жизни.

Эвфемизация и перформативность

Сложное социальное устройство архаического общества, поделенного на фратрии, объясняется наличием относительно развитой системы распознавания и толкования окружающей среды. Эволюция человеческих обществ предполагает развитие групповой поддержки, фратрий, каст, коалиций и т. п., иными словами, вовлечение других людей в некие коллективные действия для обеспечения собственного индивидуального выживания. Ограниченные интуитивные ожидания аборигенов выражались в обряде инициаций и тайных культов, основной идеей которых была передача неофитам мифологических знаний о смерти и (новом) рождении.

В обряде инициаций Солнце, как отмечает М. Элиаде, отождествляется с человеком. В этом обряде неофиту необходимо вырвать себе волосы и бороду, выкрасить голову в красный цвет, тем самым пройти символическую «смерть», а наутро, подобно сыну Творца (солярному герою Грогорагалли), «воскреснуть» вместе с Солнцем. Для австралийских племен Солнце находится в определенных отношениях с каждым членом общины, так как напрямую связано с посмертной судьбой человека. Сверхъестественное понимание Солнца отражается в прообразе умершего, оживающего каждым утром и, в отличие от Луны, не знающего смерти, а поэтому тождественного самому себе. Заход Солнца аборигенами трактовался как процесс погружения в царство мертвых. Иными словами, в архаических лунарных иерофаниях солярный культ тесно связан с культом предков. В представлении сотериологических функций Луны фратрии имели миф о появлении нового человека в древнем ритуале инициации. Фазы Луны представлялись воскрешением, поэтому в таких обрядах неофит проходит через ритуальную смерть, после которой наступает восстановление подлинной личности человека, его возрождение в качестве нового человека. В таких обрядах неофит появляется на свет из так называемой могилы, как Луна выходит из темноты (Элиаде, 2021а, с.126—129, 159). Следовательно, связь «Солнце — Луна» имеет свою когнитивную репрезентацию уже на самых ранних архаических стадиях, свидетельствуя о самоопределении человека в общей картине универсума.

Подлинные знания, которые передаются посредством мифов и символов, доступны древнему человеку только в процессе духовного

возрождения обряда инициации. М. Элиаде подчеркивает смысл древних обрядов, указывая на то, что человеку архаическому свойственно желание победить смерть, изменяя ее значение, что в конечном итоге она перестала быть *прекращением* и приобрела смысл *обряда перехода*. Триада рождения, смерти и возрождения выступала одним целым, являясь рекуррентным явлением. Эта идея бессмертия воплощается в каждом новом религиозном восприятии, к которому так стремится человек, постоянно умирая и воскресая в религиозных практиках (Элиаде, 2021б, с. 233–235).

Формы религиозной жизни отражаются в языке также в виде табу и эвфемизмов. Благодаря исследованию корня *svoļь (инд.-евр. -*su) стал возможен анализ древней этимологии слова «смерть»: «Слав. *sъ-mьrtь смерть собственно своя благовидная смерть как индоевропейский архаизм» (Грубачев, 1987, с. 60–61). Своя смерть — естественная смерть. Остается спорным: «Означает ли префикс *su- в этом слове “свое” или “хорошее”, т.е. “своя смерть” — это и “хорошая смерть”? В любом случае инвариантом выражений остается “естественная”, “природная” смерть. Прямое обозначение “природная” в сущности совпадает с эвфемистическими “своя”, “хорошая» (Степанов, 2004, с. 9). Обратимся к словарю древнеанглийского языка и рассмотрим связи слова *forðferan* («умирать») / *forðferde* («умер»), *forðfērednes* («смерть»): 1. *Faran* — сильный глагол: «ехать», «двигаться», «идти», «уезжать», «действовать», «терпеть», «претерпевать»; *gefaran* — «умирать», «наступать», «брать верх», «ловить», «сохранить»; новоангл. *fare*; древнефриз., древнеисл. *fara*; древнесакс., древневерхненем., готский *faran*; греческий *περάω*, *πείρω*, *πόρο-ς*; древнеслав. *pera*, *na-perja*; 2. *For* — предлог: «перед», «на стороне», «вместо», «вследствие», «несмотря на»; наречие *fer*: новоангл. *for*, древнефриз. *for-*, *ur-*, *far-*, *fir-*, древнеисл. *for*, гот. *faúr*, лат. *por-*, греч. *πάρ(α)*; 3. *Ford* — наречие: «дальше», «вперед», «отсюда», «оттуда», «постоянно», «все еще», «одновременно»; предлог: «во время», новоангл. *forth*, древнефриз., древнесакс. *cort* (Holthausen, 1974, с. 98; 112).

Религиозные практики связываются с фундаментальными явлениями в языке, такими как перформативные ядра. Оказывается, что с точки зрения языка нельзя опровергнуть базовые сущности, например веру. Переход от устной к письменной традиции ознаменовался целой серией трансформаций, главной из которых была ранняя перформативность, опиравшаяся на специфическую роль голоса. Голос в архаической культуре сравним с более поздней письменностью. Быть произнесенным в устной культуре — это получить своеобразный «вид на жительство». Голос оформляет «первичные перформативы». Под «первичными перформативами» понимаются опорные конструкции, которые выходят за пределы логического оценивания по шкале истинный / ложный. Такие конструкции не поддаются отрицанию, они являются либо успешными, либо неуспешными (см.: (Остин, 2006)). Это своеобразные перформативные каркасы культуры, на которых она покоится. Не случайно, что подобные конструкции встречаются в очень древних текстах. Так, в Библии имеются перформативные контексты: «И сказал

Бог: да будет свет. И стал свет. <...>. И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. И создал Бог твердь. <...>. И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. <...>. И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя [по роду и подобию ее, и] дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так» (Быт 1:6–11). Бог говорит, и это одновременно и есть деяние. Таким образом, реализуется «первичный перформатив», который становится в культуре выше логической оценки. Любой прочитавший эти речевые конструкции не может их отрицать по правилу перформатива, сформулированному Дж. Остином. Языки и культура имеют сетевую структуру, содержащую перформативное ядро как ценность, способную стать источником метаописания, которые рассматриваются субъектами как ценности второго порядка. В центре языка и культуры находятся перформативы, трансформируемые в метаоператоры ритуалов (ср. перформатив *Я клянусь*, но метаоператор — констатив *Он клянется*). В таком ядре рождаются перформативные конструкции, на которых покоится вера. Обратимся к одному из религиозных гимнов — *Cædmon's Hymn* (Гимн Кэдмона) (оригинал текста представлен по: (Old English shorter poems, 2012);

Cædmon's Hymn

Nu scylun hergan hefaen-ricaes uard,
metudæs maecti end his mod-gidanc,
uerc uuldur-fadur, sue he uundra gihuaes,
eci dryctin, or astelidæ.
5 He aerist scop aelda barnum
heben til hrofe, haleg scepem;
tha middun-geard mon-cynnæs uard,
eci dryctin, æfter tiadæ,
firum foldu, frea allmectig.

Гимн Кэдмона

Сейчас мы должны возблагодарить
Хранителя Царства Небесного, мощь
Создателя и волю Его намерений, дея-
ния Отца славы, когда он, вечный Гос-
подь, положил начало всякой твари.
5 Он, святой Создатель, сперва превра-
тил небо в крышу над детьми челове-
ческими; затем Хранитель людской,
вечный Господь, всемогущий Прави-
тель создал для людей срединный мир.

В божественном гимне, ставшем доступным по легенде Кэдмону во сне, содержится восемь именовании Господа, традиционных для древнеанглийского периода: *hefaen-ricaes uard* — Хранитель Царства Небесного, *metudæs* — Создатель, *uuldur-fadur* — Отец славы, *eci dryctin* — вечный Господь, *haleg scepem* — святой Создатель, *mon-cynnæs uard* — Хранитель людской, *frea allmectig* — всемогущий Правитель. В «Гимне Кэдмона» есть лексема *middun-geard* — срединный мир, указывающая на представление о пространстве. В гимне имеется перформатив — *Nu scylun hergan* (Сейчас должны восславить), звучащий как призыв к действию и являющийся комплексом, на котором покоится повествование гимна.

Языковые явления эвфемизации и перформативности детерминируются элементарными формами религии и отвечают за распознаваемость самих явлений. Определения верований имеют под собой философские обоснования и не могут быть поняты иначе как в связи с языком и его лингвистическими формами.

3. Языковые классификаторы

В своей позиции мы исходим из того, что существует изоморфизм в социальной организации общества и некоторых категориальных членениях языков. Так, обратимся к лингвистическим классификаторам языка аборигенов Австралии — дьирбал (Dyirbal) — в когнитивной интерпретации Дж. Лакоффа, установленным Робертом Диксоном (Лакофф, 1988, с. 13):

(I) bayi

мужчины, кенгуру, опоссумы, летучие мыши, большая часть змей, большая часть рыб, некоторые птицы, большая часть насекомых, луна, грозы, радуги, бумеранги, некоторые типы копий и т. д.

(II) balan

женщины, бандикуты (сумчатые барсуки), собаки, утконосы, ехидна, некоторые змеи, некоторые рыбы, большая часть птиц, светлячки, скорпионы, сверчки, волосатый червь (the hairy mary grub), все, связанное с водой и огнем, солнцем и звездами, щиты, некоторые типы копий, некоторые деревья и т. д.

(III) balam

все съедобные фрукты и растения, на которых они произрастают, клубни, папоротники, мед, сигареты, вино, лепешки.

(IV) bala

части тела, мясо, пчелы, ветер, заостренные палки, некоторые типы копий, большая часть деревьев, трава, грязь, камни, звуки, язык и т. д.

Используя эти четыре слова bayi, balan, balam, bala, говорящие на языке дьирбал подвергают классификации все предметы окружающего мира. Отсюда ясна необходимость употребления перед каждым существительным соответствующего классификатора.

Для австралийских аборигенов характерно социальное устройство общества, поделенное на фратрии. Как установил Э. Дюркгейм, деление на фратрии является структурной особенностью социальной организации общества. В труде «Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии» классик социологии отмечает, что австралиец воспринимает природу согласно названиям следующих фратрий: солнце, луна и звезды относятся к одной или другой фратрии. Так, племя, проживавшее в районе Маккая в Квинсленде, состоит из двух фратрий (йунгароо и воотароо) — и точно так же именуются фратрии в соседних племенах. Примечательно, что все одушевленные и неодушевленные предметы поделены данными племенами на два класса, называемых также йунгароо и воотароо. В каждой фратрии люди делятся на кланы, и вещи, принадлежавшие к той или иной фратрии, делятся между составляющими их кланами. Иными словами, все существа представляют собой систематизированную классификацию, охватывающую всю природу, как то: некое дерево относится к клану кенгуру и только к нему, и поэтому тотемом этого дерева, точно так же, как и тотемом людей, будет кенгуру (Дюркгейм, 2018, с. 270–271).

Подобный способ систематизации представляет собой предпосылку появления классификаторов, которые естественным образом находят свое место в такой классификации. Следовательно, такой подход позволяет разделить эту систему на две составные части, то есть фратрии, члениющиеся на кланы, за которыми закрепляется определенное число вещей и явлений окружающего мира.

Приведем таксономию, описанную в работе Э. Дюркгейма, объясняющую выбор обозначенных предметов в социуме:

Племя вотьобалук также разделено на две фратрии — гурогити и гумати (по Хауитту, крокич и гамутч). Мы не будем продолжать подробное описание и удовлетворимся тем, что перечислим предметы, принадлежащие к нескольким кланам фратрии гурогити, опираясь на данные Мэтьюса.

За кланом ямса числятся индейка, обитающая на равнинах, дикий кот, мопоке, сова дийм-дийм, курица маллее, попугай розелла и пеевее.

За кланом мидии: серый эму, дикобраз, кроншнеп, белый какаду, древесная утка, ящерица маллее, вонючая черепаха, белка-летяга, опоссум со свернутым в кольцо хвостом, бронзовокрылый голубь (bronze-wing) и вижугла.

За кланом солнца: бандикут, луна, кенгуровая крыса, черная и белая сороки, опоссум, сокол нгурт, гусеницы с эвкалипта, гусеницы с дерева, имеющего маленькие ветки (акация, wattle-tree), планета Венера.

За кланом горячего ветра: сокол с серой головой, ковровая змея, горный попугай, волнистый попугай (shell), сокол мурракан, змея диккомур, воротничковый попугай, змея мирндаи, короткохвост» (Дюркгейм, 2018, с. 272–273).

Иными словами, социальная организация общества связана с систематизированными классификациями окружающего мира. Таким образом, во главу угла принципов организации классификации дьирбала необходимо закладывать принцип тотема. Тотемные представления отражают структуру религиозной жизни, находя воплощение в социальных формах. Соответственно, если существует область смысла, закрепленная за тотемом, то все реалии этой области принадлежат этому тотему. Так, за вышеупомянутым кланом горячего ветра закрепляются определенные виды птиц и змей (ср. когнитивную интерпретацию Дж. Лакоффа (Лакофф, 1988, с. 14) по результатам исследования Р. Диксона. Дж. Лакофф определяет принцип сферы опыта: «Если существует сфера опыта, ассоциирующаяся с А, то все реалии этой сферы, естественно, принадлежат той же категории, что и А»). Чем же отличается когнитивная интерпретация Дж. Лакоффа от принципа тотема в языке и культуре? Сфера опыта Дж. Лакоффа — это когнитивная осмысленная категория, тогда как принцип тотема — это данность культуры, то есть проявление внешнего порядка, своеобразный герб племени. В сущности тотем — это особый знак семьи, к которой он принадлежит. Налицо, что вперед выходит социальная функция. Необходимо также подчеркнуть религиозную природу тотемизма. М. Элиаде (Элиаде, 2021а, с. 56) указывает на отличительную черту религиоз-

ности австралийских аборигенов — вера в богов нигде не является доминантой религиозного сознания, поскольку смещена в сторону тотемизма.

Глубинное деление на фратрии солнца и луны отражает дуальную конструкцию деления окружающего мира. Согласно мифологическим представлениям, луна и солнце отождествляются с мужем и женой, следовательно, это деление является примарным и существует как бинарная оппозиция. Отсюда существование первых двух классов дьирбала, вероятно, объясняется глубинной преемственностью с членениями на фратрии солнца и луны. Таким образом, первые два класса дьирбала восходят к глубинному слою членения на фратрии, тогда как третий и четвертый классы преемственны более дробному членению на кланы, по Э. Дюркгейму. Таким образом, первый и второй классы — это бинарная оппозиция «мужской — женский», «солнце — луна» и т.д. Третий класс — это то, что не вошло в первые два класса, а четвертый класс — все остальное.

Для определения третьего и четвертого классов дьирбала важен «принцип важной особенности» Р. Диксона, формулируемый так: «Если подмножество существительных обладает определенной важной особенностью, которая отсутствует у остальных членов множества, то члены этого подмножества в целях маркирования данной особенности могут быть отнесены к иному классу, чем вся остальная часть множества. Чаще всего такой важной особенностью является “вредоносность”» (Лакофф, 1988, с. 15).

У австралийского племени арунта, по данным М. Элиаде, Солнце (женское существо) играет более важную роль, нежели Луна (мужское начало), поскольку считается, что Солнце имеет вполне конкретную связь с каждым представителем социальных групп (Там же, с. 126). За классификаторами дьирбала просматривается социальная организация общества. Отсюда получается несколько иная подборка принципов дьирбала. Так, упомянутый нами принцип тотема раскрывает приводимый по Дж. Лакоффу «принцип мифа и поверья», объясняемый ученым так: «Если какое-либо существительное обладает характеристикой X (по которой оно может быть отнесено к определенному классу), но вместе с тем на основе поверья или мифа оно обладает характеристикой Y, то, как правило, оно принадлежит классу, в который включаются существительные с характеристикой Y, а не X» (Лакофф, 1988, с. 14). Существует миф, в котором пестрый дронго похищает огонь из когтей радуги-змеи, поэтому он относится к классу огня. Нами устанавливается тотем дронго с ассоциативным полем огонь, поэтому является сфера, закрепленная за тотемом. Прежде всего тотем — это имя и эмблема класса явлений. Чем же объясняется вхождение в класс I *baui* таких разнородных сущностей, как луна и опоссум? Среди австралийских племен был распространен миф о водной катастрофе, связанный с незнанием ритуального запрета. Миф повествует о Луне в образе женщины, холодной ночью просящей у человека шкуру опоссума, что-

бы согреться. Получив отказ, Луна затапливает землю проливным дождем (Элиаде, 2021а, с. 147). Смежность тотема опоссума с Луной объясняет их вхождение в один класс явлений.

У. Эко проводит аналогию между языком дьирбал и грамматикой итальянского языка. При помощи редукции автор «Канта и утконоса» сводит грамматику итальянских артиклей к таксономиям дьирбала. В результате итальянские артикли *il* и *la* определяются через простые типы сочетаемости со словами «мужчины», «кенгуру», «летучие мыши», то есть воспроизводят тотемические принципы дьирбала, а не традиционную грамматику итальянского языка. У. Эко пишет:

Предположим, что на одном средиземноморском полуострове живет один народ, который имеет странную привычку ставить перед каждым именем два слова *il* (с вариантом *lo*) и *la* со следующим категориальным эффектом:

И они используют с мужчинами, кенгуру, летучими мышами, многими змеями (удав, питон, кобра), многими рыбами (лаврак, щука, рыба-меч, акула), многими насекомыми (шершень), солнцем, временем года, радугой, бумерангом, ружьем, восходом, утконосом, носорогом.

И они используют с женщинами, тигром, некоторыми змеями (гадюка, уж), некоторыми рыбами (золотая рыбка, форель), многими птицами (ласточка, большая синица), насекомыми (оса, муха), водой, луной, звездой, броней, пистолетом, копьем, некоторыми деревьями (дуб, пальма), жирафом, хорьком и т. д. (Есо, 1997, р. 172).

Иными словами, возникает системная классификация глубинных кодов итальянского языка на базе иных принципов, а именно кодов дьирбала. Система рода в индоевропейских языках, вероятно, в прошлом также была основана на выборе признаков ассоциативных рядов тотемного порядка. Во всяком случае оппозиция итальянских артиклей, наполненная именными формами, имеющими соответствующий классификатор, свидетельствует о более ранней системной классификации в самих индоевропейских языках.

4. Системы родов: «одушевленность» / «неодушевленность»

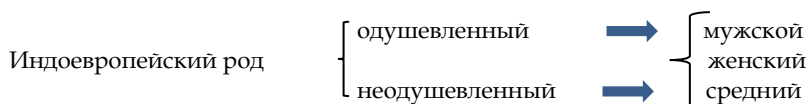
Обращение к классификации индоевропейских языков, то есть выражение одушевленности / неодушевленности или активности / инактивности, связывается с тотемным ресурсом индоевропейских номинаций. В традиции имена, относящиеся к одушевленному роду, обозначают активные силы (Мейе, 1938, с. 346). Древние индоевропейцы олицетворяли большое количество неодушевленных предметов, как то: солнце, луна, земля, небо, море, звезды, кустарники, растения, цветы, деревья, реки, ветры, вода, огонь, действия, процессы и т. д. Разница между одушевленными и неодушевленными именами выражается в форме. Это и объясняет различное оформление английских вопросительных местоимений *who* и *what*, которые эксплицитно выражают оппозицию одушевленности и неодушевленности (Сирме, 1931, р. 553).

Некоторые конструкции в современном английском языке предполагают идею одушевленности. Так, рекомендуемый дидактический перевод предложения *London saw a cold winter last year* = «В прошлом году в Лондоне была холодная зима» не отражает тотемное маркирование ситуации — способность английских конструкций передавать смыслы одушевленности и неодушевленности. Такие возможности в английском языке обусловлены сохранением категоризации действительности по принципу древнейших родов (ср., например, одушевленные псевдопассивы *I got injured, I got hurt* и др., но неодушевленный пассив *The letter was sent*. Следовательно, в грамматике английского сохраняются реликтовые отношения, отразившиеся в лексике одушевленных существностей. Переводческие традиции, использующие этнические маркеры одушевленности / неодушевленности, интерпретируют вышеприведенное предложение с помощью собирательного словосочетания: «Жители Лондона пережили в прошлом году холодную зиму».

В традиционной грамматике индоевропейских языков слова с основной **red-* имеют значение «нога» и принадлежат к активному классу, тогда как слова с основной **pedo-* относятся к инактивному классу, имея исходное значение «след». На существование этого многослойного порядка родовой отнесенности указывают данные индоевропейских языков. Приведем схему эволюции современной родовой системы:

В латинском языке лексемы *pater* — *mater* — «отец» — «мать» или *lupus* — *fagus* — «волк» — «буковое дерево» не имеют маркеров мужского и женского родов, а относятся к общему одушевленному роду. Однако формальное различие между родами достигается более поздними средствами, а именно сочетаниями с прилагательными мужского (*pater, lupus*) и женского (*mater, fagus*) родов.

Следовательно, когда одушевленный род трансформировался в более поздней системе в мужской и женский роды, древний неодушевленный приобрел инновационное значение среднего рода. Опираясь на организацию значения в индоевропейском, можно истолковать многие явления в старославянском, древнегреческом, латыни и других языках, например в русском. Как отмечает Ю. С. Степанов, женский род обозначает разновидность общего, так, небольшие животные, половые различия которых не имеют значения в хозяйственной жизни человека, относятся к женскому роду. Однако к пережиткам старого одушевленного рода принадлежат названия небесных светил, огня, дня и ночи, которые всегда принадлежат либо к мужскому, либо к женскому роду. Вариации мужского и женского родов в этих случаях оказываются уже вторичными частностями, обусловленными конкретной системой или даже тем или иным фрагментом каждого отдельного языка. В латыни слово *dies* «день» было первоначально словом мужского рода, но затем перешло в женский род под влиянием других слов на *-ies*, а также по

причине семантики соотносительного слова *ночь* «ночь», которое является словом женского рода. Очевидно, что с точки зрения унаследованной именной классификации это уже частность, решающее же значение имеет принадлежность этого слова к «несреднему» роду (Степанов, 1975, с. 128).

Согласно А. Мейе, отличие «одушевленного» от «неодушевленного» заключается в том, что в «одушевленном» роде (к которому относился мужской и средний род) проявлялось различие в экспликации именительного и винительного падежей, тогда как в «неодушевленном» роде окончание именительного и винительного падежей копировали друг друга (Мейе 1938, с. 202–203). Эта идея о более глубоком делении индоевропейских основ на активные и пассивные засвидетельствована в фундаментальной статье Х. К. Уленбека, опубликованной в 1901 году. «Актив» был падежом действующего лица, агенса, то есть субъекта при активном глаголе. «Пассив» был падежом пациенса, объекта при активном глаголе и субъекта при неактивном (лица или вещи). Следовательно, за отношением «одушевленный» — «неодушевленный» проступает древняя система падежей, свидетельствующая о принадлежности к языку номинативно-аккузативного типа (Климов, 1977, с. 173–174).

Таким образом, на систему родовых отношений повлияла система представлений и верований народов. В индоевропейском языке к одушевленному роду относятся действующие акторы (Мейе, 1938, с. 345). Алгоритм определения сущностей также строится на экстралингвистических предпосылках тотемного порядка. Религиозные верования оказывали решающее воздействие на определение рода существительного.

Протогерманский язык характеризуется реконструкцией слов с основой на согласный, который свидетельствует об активной природе имени, тогда как слова, имеющие основы на гласный, принадлежат системе неодушевленного рода или пассиву. Так, Ф. Шпехт (Specht, 1947) отмечает взаимосвязь родов и основ существительных в древних индоевропейских языках, где род представляет собой вторичное явление по отношению к основам. Основы существительных в индоевропейских языках различаются по признаку одушевленности / неодушевленности. Ф. Шпехт приводит группы существительных, тесно связанные с жизнедеятельностью человека, которые индоевропейцы одушевляли и / или персонифицировали: 1) созвездия, обозначения времени, окружающая природа, небо, земля, огонь, вода, море, камни, горы, пещеры, ямы, дороги и т. д.; 2) окружающий человека мир животных и продукты этого мира; 3) мир деревьев и растений, изделия из них; 4) части тела; 5) семья, дом, жилище, орудия и т. д. Эти существительные редко относились к индоевропейским основам на *o-* или *ā*, так как были словами с основами консонантного типа.

О. А. Осипова приводит пример:

При анализе существительных с основой на *-ōn* уже приводилось др.-англ. *bēce* (ж. р., *ōn* — основа) «бук». Родственное ему существительное *bōc*

ж.р. «книга» относится к корневым основам. Употребление близких по значению слов в разных склонениях (по Скиту, *bēce* – это результат умятута общегерм. формы **bōkjōn-*) передает оппозицию одушевленности / неодушевленности. Существительное *bēce* «бук» обозначает живое растущее дерево, отсюда употребление его в склонении существительных *n-* основ, в котором в основании группировались имена одушевленной семантики. Слово *bōc* «книга» обозначало не живое дерево, а предмет, сделанный из него, – общегерм. **bōks*, мн. ч. *bōkiz*, первоначально имеющее значение «дощечка из букowego дерева для письма» (Fiest, S. 75; Skeat, p. 53, 67) – поэтому оно склонялось по корневым основам (Осипова, 2007, с. 159–160).

В результате возникает дихотомия одушевленный / неодушевленный, когда грамматическая принадлежность обусловлена формальными признаками, определяемыми на основе культурных представлений народов. Таким образом, языковые формы оказываются зависимыми от элементарных форм религиозной жизни. Как отмечается в работе Э.Б. Тайлора, необходимо принятие за определение минимума религии верования в духовных существ (Тайлор, 1989, с. 210). Общее учение о духовных сущностях замещается у Э.Б. Тайлора термином «анимизм». Одушевление предметных сущностей согласно древним таксономиям является решающим фактором языковой реконструкции.

5. Заключение

Языковая форма находится в гармонии с определенной стадией развития представлений о мире. Так, этап анимизма в религиозной жизни оказал влияние на категоризацию мира по принципу одушевленный / неодушевленный. Одушевление на ранних этапах развития сущностей, которые затем начинают принадлежать таксономии мужского, женского и среднего родов, носит характер системной классификации, когда весь мир предстает поделенным на сущности, имеющие свои тотемы. Одушевление связано с ролью дыхания, характерного для высших животных при жизни, прекращение которого совпадает с прекращением их жизни, и отождествляется с душой. Но в то же самое время нельзя всю религию древних обществ сводить к простому набору элементарных форм, таких как тотемизм, анимизм и т.п. Другое дело, когда производится поиск взаимосвязи языковой и культурной моделей мира, тогда допустима определенная доля абстракции в экспликации форм. Иными словами, здесь мы имеем дело с грамматикой культуры, когда эвфемизация и перформативность, а также классы дырбала, одушевленный и неодушевленный роды индоевропейских языков напрямую связаны с элементарными формами религиозной жизни.

Развитие представлений о мире в русле религиозных концепций существенно влияет на структуры лингвистических форм, прежде всего в плане их классификаций и базовых схем. Так, оказывается, что вся культура покоится на своеобразных фундаментальных конструкциях,

которые лишены рационального оценивания. Сам фундамент культурных представлений является некой константой мироздания, когда излагаемые теории находят свое воплощение в некоторых «подушках», на которых покоится весь каркас культуры. Феномен веры предстает в виде имманентно присущей практики, которая отделяется от рациональных оценок, а сам язык предстает в виде системной классификации со своими координатами в виде классов, родов и основ. Так, субъект культуры оценивает некоторый объект как одушевленный согласно своим религиозным убеждениям или элементарным тотемным представлениям, например дерево «бук». Тогда само дерево оформляется в языке согласно одушевленным активным формам и противопоставляется лингвистически неодушевленным примерам. Тотальная классификация окружающего мира, предстающего через призму языка, придает всей конструкции жизни своеобразный изгиб, определяемый элементарными формами религии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-01712) «Неоязычество в художественных практиках современной России: этнокультурные рецепции, коммуникативные технологии, ценностные основания».

Список литературы

- Библия / Рос. Библейское о-во. М., 2008.
- Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М., 2018.
- Климов Г. А. Типология языков активного строя. М., 1987.
- Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. 1988. С. 12–51.
- Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
- Осипова О. А. Типология древнегерманских именных склонений в свете индоевропейских и уральских языков. Томск, 2007.
- Остин Дж. Перформативные высказывания // Три способа пролить чернила. СПб., 2006. С. 262–281.
- Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975.
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004.
- Тайлор Э. Б. Первобытная культура / пер. с англ. М., 1989.
- Трубачев О. Н. Славистический комментарий к реконструкции индоевропейской языковой и культурной древности // Теория лингвистической реконструкции: матер. Всесоюз. конф. М., 1987. С. 58–64.
- Элиаде М. Трактат по истории религии. М., 2021а.
- Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М., 2021б.
- Curme G. O. A Grammar of the English Language: Syntax. N. Y., 1931. Vol. 3. XV.
- Eco U. Kant e L'ornitorinco. Milano, 1997.
- Old English shorter poems / ed. and transl. by C. A. Jones. Harvard University Press, 2012.
- Secht F. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947.

Об авторах

Сергей Геннадьевич Проскурин, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры межкультурной коммуникации Гуманитарного института, Новосибирский национальный исследовательский университет; профессор кафедры иностранных языков гуманитарного факультета, Новосибирский государственный технический университет, Россия.

E-mail: s.proskurin@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7244-264X

Анна Вячеславовна Проскурина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков гуманитарного факультета, Новосибирский государственный технический университет, Россия.

E-mail: a.vyacheslavovna@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9026-2511

Для цитирования:

Проскурин С.Г., Проскурина А.В. О формах манифестации магической функции языка // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, №3. С. 68–82. doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-4

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ON THE FORMS OF MANIFESTATION OF THE MAGIC FUNCTION OF LANGUAGE

S. G. Proskurin^{1,2}, A. V. Proskurina²

¹ Novosibirsk National Research State University
1, Pirogova Str., Novosibirsk, 630090, Russia

² Novosibirsk State Technical University
20 Karla Marksa Str., Novosibirsk, 630073, Russia

Submitted on December 17, 2021

doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-4

The article explores linguistic phenomena as a form of manifestation of the magic function. Systemic classifications, taxonomies, and linear phenomena such as euphemization and performativity reflect the beliefs and socio-spiritual functions of societies. This set of linguistic forms and means is determined by the existing religious beliefs. The article studies the foundation of beliefs in the form of elementary "primary performatives". They cannot be denied from the standpoint of logic but can be presented as felicitous and infelicitous. The entire set of cultural representations is based on elementary performatives. Another example of the continuity of linguistic forms of religious beliefs is euphemization. Systemic classifications in the languages of Australian aborigines and the animate/inanimate gender in Indo-European languages appear as dependent entities on religious choice in the form of preferences arising in the totem ideas of peoples. A we reconstruct the areas of intersection of beliefs and linguistic

forms. The linguistic form is in harmony with certain stages of development of society, as well as its social organisation. Thus, we define the isomorphism of the linguistic and social structures of the Australian aborigines. In Indo-European languages, taxonomies of gender go back to primary divisions into stems defined as active/animate and inactive/inanimate. The article shows that animate / inanimate is influenced by the stage of animism.

Keywords: language, culture, performativity, stem, animate, inanimate

References

- Austin, J.L., 2006. Performative statements. In: *Tri sposoba prolit' chernila* [Three Ways of Spilling Ink]. St. Petersburg, pp. 262–281 (in Russ.).
- Bibliya* [The Bible], 2008. Moscow (in Russ.).
- Curme, G.O., 1931. *A Grammar of the English Language: Syntax*. Vol. III. XV. New York.
- Durkheim, E., 2018. *Elementarnye formy religioznoi zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [Les Formes élémentaires de la vie religieuse: le système totémique en Australie]. Moscow (in Russ.).
- Eco, U., 1997. *Kant e L'ornitorinco*. Milano: Bompiani.
- Eliade, M., 2021a. *Traktat po istorii religii* [Traité d'histoire des religions]. Moscow (in Russ.).
- Eliade, M., 2021b. *Mify, snovideniya, misterii* [Myths, Dreams and Mysteries: The Encounter Between Contemporary Faiths and Archaic Realities]. Moscow (in Russ.).
- Jones, Ch. A., ed., 2012. *Old English shorter poems*. Harvard University Press.
- Klimov, G. A., 1987. *Tipologiya yazykov aktivnogo stroya* [Typology of languages of the active system]. Moscow (in Russ.).
- Lakoff, D., 1988. Classifiers as a reflection of mind. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 23. Kognitivnye aspekty yazyka* [New in foreign linguistics. Vol. 23. Cognitive aspects of language], pp. 12–51 (in Russ.).
- Meye, A., 1938. *Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie indoeuropeiskikh yazykov* [Introduction a l'étude comparative des langues indoeuropeennes]. Moscow; Leningrad (in Russ.).
- Osipova, O. A., 2007. *Tipologiya drevnegermanskikh imennykh sklonenii v svete indoeuropeiskikh i ural'skikh yazykov* [Typology of Old Germanic noun declensions in the light of Indo-European and Uralic languages]. Tomsk (in Russ.).
- Specht, F., 1947. *Der Ursprung der indogermanischen Deklination* Göttingen.
- Stepanov, Yu. S., 1975. *Osnovy obshchego yazykoznanija* [Fundamentals of general linguistics]. Moscow (in Russ.).
- Stepanov, Yu. S., 2004. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Dictionary of Russian culture]. 3d ed. Moscow (in Russ.).
- Trubachev, O. N., 1987. Slavic commentary on the reconstruction of Indo-European linguistic and cultural antiquity. In: *Teoriya lingvisticheskoi rekonstruktsii: materialy Vsesoyuznoi konferentsii* [Theory of linguistic reconstruction: Materials of the All-Union Conference]. Moscow, pp. 58–64 (in Russ.).
- Tylor, E. B., 1989. *Pervobytnaya kul'tura* [Primitive Culture]. Moscow (in Russ.).

The authors

Dr Sergei G. Proskurin, Professor, Novosibirsk National Research University, Novosibirsk State Technical University, Russia.

E-mail: s.proskurin@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7244-264X

Dr Anna V. Proskurina, Associate Professor, Novosibirsk State Technical University, Russia.

E-mail: a.vyacheslavovna@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9026-2511

To cite this article:

Proskurin, S.G., Proskurina, A.V. 2022, On the forms of manifestation of the magical function of language, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no. 3, p. 68–82. doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-4.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))